

### **Серова Наталья Викторовна**

кандидат философских наук, доцент, Морской государственный университет  
им. адм. Ф.Ф. Ушакова  
Новороссийск, Россия  
nserova1@rambler.ru

### **Онтология синергии слова**

В статье рассматривается оригинальная концепция слова, изложенная в трудах представителей «философии имени». Слово является сосредоточием божественных, космических и человеческих энергий. В этом суть его синергийной природы. Многообразие мировых энергий реализуется в мире через посредство слова. Объединяя их, слово созидает всеединое онтологическое целое.

### **Соболева Майя Евгеньевна**

PD Dr. Dr. Habil., Филиппс университет г. Марбурга  
Марбург, Германия

### **Бытие как предикат. Об онтологической концепции Генриха Риккерта** **Тезисы**

Философские интересы Генриха Риккерта, которого мы знаем как представителя баденского неокантианства, лежат в области теоретической философии. Его основные темы – это познание, культура и история. Рикерт исследует эти темы не в отрыве друг от друга, напротив, свою задачу он видит в том, чтобы разработать философскую систему, которая служила бы основанием для отдельных исследований. Его замысел который можно сформулировать при помощи его собственных слов, заключается в том, что «наука о мировом целом должна быть целым мысли» (H. Rickert, *Die Logik des Prädikats und das Problem der Ontologie*. Heidelberg. 1930: 6). Важнейшую часть его теории познания и его онтологии составляют исследования логики бытийных предикатов.

Цель доклада состоит в том, чтобы исследовать Рикертово понятие бытия на фоне феноменологическо-герменевтической традиции. Бытие как предикат предстает у него не как реальный предмет и не как просто «форма мышления», а как «форма познания». Последнее приводит к тому, что исследование бытия неразрывно связано с исследованием познания. Логика, понимаемая прежде всего как трансцендентальная логика, приобретает у теории Риккерта приоритет по отношению к онтологии. Его исследования в области трансцендентальной логики затрагивают актуальную проблему предметного мышления, которая составляет центр современных дискуссий по теории познания. Одна из проблем заключается в том, в состоянии ли предикатное мышление охватить всю действительность и выступить основанием для всего бытия. С точки зрения Риккерта, такое возможно. Вся действительность стоит у него под знаком истины, понимаемой как

соответствие высказываний действительности. Альтернативу данному подходу можно найти в феноменологии Гуссерля и в герменевтике Хайдеггера, Георга Миша и Иосифа Кенига. Здесь подчеркивается значение недискурсивного мышления в процессе конституирования бытия и предлагается новое по сравнению с эпистемологическим понятие герменевтической истины. Сравнение свойственных разным школам подходов к онтологии важно не только с точки зрения истории философии, напротив, оно наглядно выявляет те проблемные зоны, вокруг которых и на которых до сих пор концентрируются исследования.

### Доклад

Философские интересы Генриха Рикерта, которого мы знаем как представителя баденского неокантианства, лежат в области теоретической философии. Его основные темы – это познание, культура и история. Рикерт исследует эти темы не в отрыве друг от друга, напротив, свою задачу он видит в том, чтобы разработать философскую систему, которая служила бы основанием для отдельных исследований. Его замысел можно сформулировать при помощи его собственных слов, он заключается в том, что «наука о мировом целом должна быть целым мысли» („die Wissenschaft vom Weltganzen ein Gedankenganzes sein muss“)<sup>1</sup>. С учетом данного представления становится ясно, почему теория познания занимает фундаментальное место в философии Рикерта.

Его понимание теории познания типично для неокантианства в целом, а именно теория познания есть для него нечто иное, как «трансцендентальная логика». Поэтому основные его усилия нацелены на исследование предметного познания, на изучение закономерностей конституирования предмета. Предмет при этом не противостоит познанию как некий неопознанный X. Напротив, предметность возникает впервые благодаря мышлению. Занимаемую Рикертом позицию нельзя, однако, охарактеризовать ни как антиреализм, ни как субъективизм. Единственно, что его интересует, это объяснение нашего когнитивного подхода к миру. Он стремится разработать «логику логики» (Rickert 1930: 31), которая открыла бы структуру истинного познания.

Исходя из предпосылки о том, что предмет, а стало быть, как любое сущее, так и бытие в целом, представляют собой результат познания, Рикерт делает вывод о том, что логика и теория познания способны внести решающий вклад в решение онтологических проблем. В своем исследовании «Логика предиката и проблема онтологии» (Die Logik des Prädikats und das Problem der Ontologie) он предлагает рассматривать вопрос о «бытии бытия», об „ontos on“ (Rickert 1930: 165) как вопрос о логике бытия, который сводится у него к вопросу о логике конституирования бытия человеческим сознанием. Тем самым он относит онтологические проблемы к области трансцендентальной логики. Логика приобретает у него приоритет по отношению к онтологии и

---

<sup>1</sup> Н. Rickert, Die Logik des Prädikats und das Problem der Ontologie. Heidelberg. 1930. S. 6.

образует фундамент для последней. Можно сказать, что Рикерт пытается прояснить «бытие бытия» при помощи «логики логики».

Результатом идентификации логики и онтологии является тезис Рикерта о том, что бытие представляет собой предикат, а сущее – это то, что *есть* (Rickert 1930: 23)<sup>1</sup>. Другими словами, *бытие – это все то, о чем в том или ином смысле можно сказать, что оно существует*. Сфера бытия охватывает, следовательно, как материальные, так и идеальные предметы. Свою реконструкцию понятия «бытие» Рикерт строит на реконструкции возможного «пра-предиката» или «первичного предиката» (Urprädikat). Тем самым он пытается найти пункт, в котором бытие и мышление еще совпадают, для того, чтобы исходя из этого начального пункта, проанализировать генезис бытия. Я остановлюсь на анализе основных аргументов Рикерта, предложенных в работе «Логика предиката и проблема онтологии».

Понимание Рикертом бытия в качестве предиката можно объяснить тем, что он связывает познание с рассудочным, предикатирующим мышлением. Структура „S есть P“ выступает у него как минимальная логическая единица мышления, обеспечивающая возможность познания. Познающее мышление заключается в различении и соединении различенного. Для него характерна структура «двоичности» (Zweiheit). Предлагаемое Рикертом определение познания сводится к тому, чтобы «об одном нечто высказать нечто другое» (Rickert 1930: 49f). Познающее познание находит свое выражение в утверждающих высказываниях.

Следуя данной стратегии - стратегии поиска первичного предиката- Рикерт приходит к выводу о том, что предложение «нечто является сущим» отражает общую логическую структуру простейшей истинной мысли. На самом деле, «предикат 'бытие' вообще не может отсутствовать там, где нечто познается. Нечто, подлежащее познанию, так или иначе должно 'существовать'. Не бывает истины о несуществующем. Все в мире 'существует', если применять это слово в самом широком смысле» (Rickert 1930: 126). Другими словами, предмет познания не может стать то, что уже не познано как сущее. Поэтому предикат «бытие» должен выступать в качестве всеобщего первичного предиката познания или в качестве так называемого «пра-предиката».

Рикерт, однако, не удовлетворен полученным результатом. Он замечает, что высказывание «Нечто есть в качестве сущего» является аналитическим, поскольку субъект «нечто» уже включает в себя свое существование. Другим словами, данное высказывание представляет собой тавтологию, поскольку оно не высказывает ничего нового о субъекте. Его можно свести к высказыванию «нечто есть», в котором слово «есть» является не предикатом существования, а создает идентичность предмета. Такое идентифицирующее мышление Рикерт отказывается признавать как познание: «Для онтологии как учения о бытии мира 'бытия вообще' недостаточно» (Rickert 1930: 129).

---

<sup>1</sup> Vgl. H. Rickert, Unmittelbarkeit und Sinndeutung. Tübingen. 1939. S. 97.

Поэтому он отграничивает «голые формы мышления» от «форм познания». «Всеобщее бытие» предстает лишь как *форма мышления* для любого мыслимого предиката. Его можно рассматривать как мнимый предикат, который имплицитно присутствует в любом настоящем предикате.

Предложение «нечто есть сущее» Рикерт считает неполным в познавательном отношении (Rickert 1930: 149). Поэтому «всеобщее бытие», выступающее только как «пра-предикат истинного мышления» должно быть подвергнуто дальнейшей спецификации для того, чтобы превратиться в «пра-предикат истинного познания». В качестве кандидатов на звание предикатов познания Рикерт выбирает понятия «действительный» и «значимый». Эти понятия указывают на присущий предмету способ бытия и устанавливают логические различия в форме предметности. Предикат «действительный» или «действительно сущий» применяется по отношению к чувственно воспринимаемым предметам, а предикат «значимый или значимо сущий» по отношению к идеальным предметам, которые Рикерт называет «понимаемые предметы». Эти «первичные» предикаты определяют логику предметного познания; они очерчивают сферу возможных «вторичных» предикатов, которые можно применить к тому или иному предмету в зависимости от того, к какому типу предметности он относится. Например, нельзя сказать о «понимаемых предметах», таких как «значение», «культура», что они обладают массой.

Онтология Рикерта принимает форму теории о создающих мир предикатах. Ее задача заключается в том, чтобы исследовать, в чем вообще состоит бытие мира или бытие сущего. При этом онтология имеет дело не с особенным содержанием предмета, т.е. не с отдельными сущими, но она исследует логические формы, посредством которых мир существует для человека. Рикерт подчеркивает, что проблема онтологии состоит не в том, «*что* есть мир, а в том, что мир *есть*» (Rickert 1930: 167). Это бытие мира может быть схвачено посредством логики предикатов. Бытие как предикат имеет, согласно Рикерту, три формы: Сначала оно выступает только как форма мышления – как «всеобщее бытие», затем оно приобретает вид формы познания в качестве «действительно сущего» и «значимого сущего». Кардинальное различие в формах бытия сущего имеет важные последствия для методологии онтологического познания. Как полагает Рикерт, «любая онтология, которая хочет быть истинно универсальной или всеохватывающей, должна, по крайней мере сначала, быть *плюралистичной*» (Rickert 1930: 169). Это требование означает, что следует признать логическую неоднородность и логическое разнообразие мира. Любая монистическая методология грозит превратиться в одностороннее, догматическое учение.

Предложенный Рикертом плюралистичный подход в онтологии оказал значительное влияние на разграничение отдельных областей знания и способствовал уточнению понятий о естественных и гуманитарных науках. Так, мир чувственно воспринимаемых предметов основан на законах причинности, а мир идеальных предметов конституирован посредством

понятий о ценности. Если «действительно сущее» стоит под знаком истины, то существование идеальных предметов оправдывает единственно их значимость. Тогда как в отношении «действительно сущего» возможны высказывания, обладающие объективной истиной, понимаемые смылосодержания субъективны в том смысле, что они существуют в рамках определенной культуры. Эти существенные различия следует учитывать при анализе мира.

Несмотря на то, что Рикерт подчеркивает формальную гетерогенность мира, в одном важном отношении мир все же остается у него гомогенным, а именно, предметность обязана своим возникновением единственно предиктирующему мышлению. Как мне кажется, данное представление Рикерта является спорным. Вопрос, который я хочу обсудить, заключается в следующем: не являются ли источником бытия не Рикертовы дискурсивные «формы познания», а уже его интуитивные «формы мышления»? В отличие от «форм познания» с общей структурой „S есть P“ «формы мышления» имеют структуру идентичности „a есть a“. К ним Рикерт причисляет имена, некоторые виды определений, а также аналитические высказывания, включая предложение «нечто есть сущее». Все эти виды высказываний не содержат новых знаний о субъекте, и, значит, не высказывают никакой истины о нем. Высказывания же без истинностных значений Рикерт исключает из разряда суждений познания. Необходимым условием истины он считает то, что предложение «об одном нечто высказывает нечто другое» (Rickert 1930: 57). Единственная форма познания, которую он допускает, это дискурсивное мышление и пропозиция. Единственное определение истины, которым он оперирует, основывается на идее соответствия высказывания предмету.

На эти рассуждения можно возразить, что логическая пропозиция не конституирует предмет как таковой, а лишь устанавливает отношение к предмету. Пропозиции утверждают нечто *о* предмете. Сам предмет в логической форме «нечто» является условием возможности пропозиции. «Нечто» как «нечто определенное», т.е. как конкретный предмет возникает благодаря языку. Как известно, одним из важных механизмов возникновения предмета является номинация, которая конституирует идентичный и идентифицируемый предмет. Номинация не тождественна предикации. Если это допустить, то следует допустить, что сущее или бытие предшествует предикативному, дискурсивному мышлению. Тогда не суждение, понимаемое как оперирование готовыми понятиями, а суждение, которое в духе Гуссерля можно определить как *наделяющее значением схватывание идеального единства* является источником бытия<sup>1</sup>. В данном случае человек думает не *о* чем-то, он думает *что-то*, он мыслит само бытие. Бытие или сущее предстает в таком случае не как предикат, вопреки утверждаемому

---

<sup>1</sup> Diese Form des Urteils ist bei Husserl zu finden. Siehe dazu: E. Husserl, LU, 2 Band, 1 Teil. Hamburg. 2009. §11, S. 51.

Рикертом, а как субъект мышления<sup>1</sup>. Выделяемую Рикертом простейшую логическую структуру смысла в виде пропозиции «нечто есть сущее» можно редуцировать к эллиптическому в логическом отношении высказыванию «нечто как нечто» как элементарной форме предмета.

Разумеется, что данный вывод совершенно не соответствует теоретическим выкладкам Рикерта. Одно возможное возражение сказанному можно найти в его работе 1923 г. «Метод философии и непосредственное. Постановка проблемы». В ней Рикерт противопоставляет «предмету» (Gegenstand) «состояние» (Zustand). Под «состоянием» он понимает *непосредственно* схваченное содержание переживания. Термин «состояние» означает нечто «пришедшее к порядку ('zustande') или к остановке и посему уже удержанное и опосредованное мышлением» (Rickert 1939: 66). «Состояние» есть ничто иное, как «полагание некоего содержания посредством формы идентичности» (Rickert 1939: 69). В отличие от «состояния» «предмет» предполагает в качестве условия возможности *опосредованное*, теоретическое отношение к содержанию сознания – различие между субъектом и объектом, что позволяет возникнуть логическим отношениям. Рикерт подчеркивает, что только тогда, когда из воспринимаемых содержаний «благодаря форме вещности (Dinghaftigkeit) составляются вещи с их свойствами, становится возможным возникновение упорядоченного мира чувственно воспринимаемых предметов из чувственно воспринимаемых непосредственных содержаний» (Rickert 1939: 161). Непосредственным, интуитивно схваченным, изолированным состояниям противостоят упорядоченные, опосредованные логическим конструированием предметы. Понятиям «состояние» и «предмет» соответствуют кардинально различные типы мышления: интуиция в первом и логическое «конструирование» во втором случае (Rickert 1939: 64f, 68). Данное различие касается как сферы чувственно воспринимаемого (сферы реальных предметов), так и идеальной сферы понимаемого (идеальных предметов).

Используя более позднюю терминологию Рикерта, можно сказать, что «состояние» предстает лишь как «форма мышления». В отличие от него предмет оказывается «формой познания», причем только в пределах отношений познания предмет можно рассматривать как сущее. В работе, посвященной проблемам онтологии, можно найти пример, подтверждающий сказанное. Рикерт пишет: «Предложение 'луна действительно существует' можно без ущерба для смысла переформулировать следующим образом: 'То, что мы называем луной, действительно существует'. В этом случае сразу становится ясно, что субъект 'луна' в предложении 'луна действительно существует' не имеет значения логически самостоятельной предикации с истинным предметным содержанием познания. Он служит лишь для называния объекта, о котором нечто высказывается и который поэтому

---

<sup>1</sup> Das Thema des Sein-Denkens wurde prominent von Josef König ausgearbeitet: J. König, Sein und Denken. Halle, Saale. 1937.

выступает в предложении в качестве грамматического субъекта» (Rickert 1930: 76).

Здесь можно, однако, поставить вопрос о том, действительно ли имя представляет собой лишь голое «состояние», всего лишь «форму мышления» и не имеет никакого «предметно истинного познавательного содержания». То, что имя служит для идентификации предмета, не оспаривает и сам Рикерт. Однако, он не желает признать «голые формы мышления» в качестве «форм познания», поскольку решающим для последних он считает «предикативный подход», «подход к предикации в познании (Erkenntnisprädisierung)» (Rickert 1930: 150, 152). Тот факт, что уже имя основывается на синтезе формы и содержания, оказывается недостаточным для его признания в качестве элемента познания. Познание осуществляется, согласно Рикерту, посредством соединения понятий, а не за счет связывания воспринятого в некую идею.

Противоположная Рикертовой точка зрения исходит из того, что уже имя или, точнее, выражаемое именем значение, выражает предметное познание. Данную форму познания можно, следуя Гуссерлю, определить как классификацию или как «отношение упорядочивания»<sup>1.5</sup> Познавательный потенциал имени проявляется, например, в том, что его неправильное использование вызывает несогласие и требует корректировки. Уже на основании этого можно предположить, что истину можно понимать не только эпистемологически, как реляционное понятие, что делает Рикерт. Напротив, понятие истины можно связать уже с понятием предмета. Его сущность состоит в данном случае в утверждении объективности предмета. Такое понятие истины можно назвать герменевтическим.

Здесь можно напомнить о том, что уже Платон рассматривал выраженное посредством имени значение – идею – как основание познания (см. диалог «Теэтет»). В отличие от данной позиции рикертовское понятие познания более узкое, поскольку оно основывается единственно на предикативном мышлении. Очевидно, что такое понятие о познании не может охватить всю сферу познания, включая донаучное и гуманитарное познание. Признание этого факта свойственно герменевтически-феноменологической традиции, особенно бурно развивавшейся в начале двадцатого века. Ее представители стремились расширить область трансцендентальной логики за счет признания роли недискурсивного мышления и переопределения понятия «познание». В данной связи стоит упомянуть прежде всего работу Хайдеггера «Бытие и время» (1927), книгу Георга Миша «Философия жизни и феноменология» (1930) диссертацию Иосифа Кенига «Бытие и мышление» (1937). Отметим, что все эти авторы находились под сильным влиянием Дильтея и Гуссерля. Заметим, что цель доклада состоит не в том, чтобы сравнить между собой неокантианский подход с феноменологически-герменевтическим. Речь вовсе не идет о том, какое из направлений оказалось право в исторической перспективе. Важным представляется указать на взятом из истории

---

<sup>1</sup> E. Husserl, LU, 2 Band, II Teil: §11, S. 579.

философии примере на те проблемы, которые до сих пор занимают философское сообщество и находятся в центре дискуссий о теории познания. В данной связи хотелось бы отметить два момента.

Во-первых, вопрос о роли непредикативного мышления в конституировании предмета.

Так, у Гуссерля можно встретить указание на необходимость отличать «атрибутивные» высказывания от «предикативных». Хайдеггер проводит различие между «подручным» и «наличным» как двумя формами предметности. Миш выделяет «эвоцирующую» и «чисто дискурсивную» формы речи, а Кениг «модифицирующие» и «детерминирующие» предикаты. Если «предикативные» высказывания, «наличное», «чисто дискурсивная речь» и «детерминирующие» предикаты основываются на понятийном, предикативном мышлении, то «атрибутивные» высказывания, «подручное», «эвоцирующая речь» и «модифицирующие» предикаты основываются на *схватывании идеального единства в значении*. В первом случае речь идет о понятийном мышлении, т.е. о мышлении как оперировании понятиями, во втором случае – о понимающем, априорном мышлении. Для демонстрации проблемы можно привести следующий пример. В каком месте следует разместить глагол-связку в предложении 8 восприятия, если речь идет о конституировании предмета: «этот зеленый лист» (или «это (есть) зеленый лист» или же «этот лист (есть) зеленый»? Как кажется, если онтология претендует на роль науки, объясняющей возникновение предметности, то она должна принимать во внимание также и первый случай, в котором предложение основано не на предикации, а на экспликации, устанавливающей осмысленное отношение к предмету и дающей ему возможность быть высказанным.

Второй дискуссионный момент, на который хотелось бы обратить внимание, касается статуса предикативного бытия. Рикерт настаивает на том, что «логический минимум» для возникновения смысла предполагает необходимость дуализма между созерцанием и понятием (Rickert 1930: 166). Он подчеркивает: «Познание всегда, и именно тогда, когда оно имеет дело с созерцанием, является познанием о созерцании и поэтому с необходимостью есть нечто *большее*, чем простое созерцание» (Rickert 1930: 107). Согласно ему, познание возникает как синтез созерцания и понятия (Rickert 1930: 123). При этом понятие у него включает в себя операции соединения и связывания, осуществляемые благодаря копуле (глаголу-связке) и одновременно уже в нем имплицитно содержащиеся. Бытие как предикат предстает, следовательно, в виде суждения, как акт суждения. Недостаток такой модели состоит в том, что она не дает ответа на вопрос о механизмах и закономерностях синтеза созерцания и понятия, а также на вопрос о характере самого созерцания – являются ли созерцания с самого начала понятийными или же мы имеем сперва бессмысленные, неопределенные созерцания, которым мы затем придаем некий предметный смысл.

Противоположная модель была разработана Гуссерлем, который утверждает: «Бытие не является ни суждением, ни реальной составляющей

суждения» (Husserl 2009: 668). Если Рикерт идентифицирует грамматическую форму „S есть P“ с логической и считает такую идентификацию необходимым условием для возникновения бытия, то для Гуссерля «бытие» грамматики лишь репрезентирует «бытие» логики. Логическое «есть» не содержится в высказывании, «оно только означено в словечке *есть*, т.е. подразумевается сигнитивно» (ebenda). Гуссерль продолжает: «Если мы признаем бытие в качестве *предикативного* бытия, то нам должно быть дано некое *положение дел* и причем, *естественно, посредством соответствующего акта* – аналога общего чувственного восприятия» (Husserl 2009: 670). Другими словами, подобно тому, как чувственному восприятию соответствует чувственно воспринимаемый предмет, предикативному бытию должно соответствовать некое положение дел. Ему должно соответствовать, выражаясь языком самого Гуссерля, «восприятие положения дел» (Husserl 2009: 669). Предикативное бытие предстает у Гуссерля как экспликация и объективация некоего положения дел, а не как предикация.

Сходной точки зрения придерживаются все представители феноменологическо-герменевтического направления в западноевропейской философии. Так, Хайдеггер связывает возникновение предмета с «герменевтическим *как*» укорененного в практике миропонимания, а не с «апофантическим *как*» теоретической рефлексии. Разработанную им фундаментальную онтологию можно в целом охарактеризовать как онтологию, основывающуюся на практических предложениях. Георг Миш связывает просхождение предмета с продуктивной объективацией жизни, которая с точки зрения логики представляет собой одновременно «экспликацию и сотворение» предмета<sup>1</sup>. Естественная установка по отношению к миру, благодаря которой мир впервые возникает как мир значения, основывается у него на эвоцирующем, а не на дискурсивном мышлении. Иосиф Кениг выводит бытие их артикуляции впечатления от воспринимаемого<sup>2</sup>.<sup>7</sup> Источник всего сущего он видит в метафоре, которую он воспринимает не как понятие риторики, а как понятие логики. Вследствие этого сфера действия метафоры не ограничивается сферой языка, а распространяется на сферу действия человека.

Во всех указанных случаях понятие предикативного бытия свободно от упрека в конструктивизме, который часто адресуют неокантианству. Это объясняется изменением методологической установки, тем, что на место теоретического мышления, что свойственно неокантианству в целом, в герменевтике ставится практическое, дотеоретическое мышление. Можно сказать, обобщая, что в герменевтике бытие возникает не благодаря предикативному высказыванию, а благодаря эксплицирующему выражению. Выражение предстает как способ продуктивно-созидающего освоения предмета, благодаря которому сущее наделяется значением в

---

<sup>1</sup> G. Misch, *Lebensphilosophie und Phänomenologie* (1930). Darmstadt. 1967. S. 56, 104, 164.

<sup>2</sup> J. König, *Sein und Denken*. Halle, Saale. 1937.

контексте жизненной практики. Мир бытия предстает как мир значения и как таковой становится затем предметом научного познания.

В заключение можно сказать, что как неокантианство в лице Рикерта, так и представители феноменологическо-герменевтической традиции разрабатывают варианты «критической» онтологии, в которой исследования бытия невозможны в отрыве от анализа процессов познания мира. Такая «критическая» онтология начинает свой анализ не с изучения существующих независимо от человека вещей, а с анализа того, каким образом возникает понятие о предмете. Различия между свойственными разным школам подходами к онтологии, наглядно выявляют те проблемные зоны, вокруг которых и на которых до сих пор концентрируются исследования.

### Сокулер Зинаида Александровна

профессор, Московский, государственный университет им. М.В. Ломоносова,  
философский факультет, кафедра онтологии и теории познания  
Москва, Россия

### Онтология и метафизика у Э. Левинаса

Современная онтология в России в значительной мере следует направлениям развития европейской философии. Вот почему, говоря об онтологии в России, я буду говорить об Эммануэле Левинасе.

Но говорить о его понимании онтологии невозможно, не затронув хайдеггеровскую концепцию бытия и его идею онтологии, потому что философия Левинаса находится в зависимости и в постоянной оппозиции к онтологии Хайдеггера.

Мы знаем, что понимание бытия неизменно составляло центр хайдеггеровской философии, как до, так и после «поворота». Философия Хайдеггера – это онтология. В понимании бытия Хайдеггер совершает эпохальный переворот своим знаменитым «онтологическим различием» бытия и сущего. В силу этого различения, у нас оказывается совершенно иное, непривычное понимание бытия: «Бытие не может *быть*. Если бы оно было, оно не оставалось бы уже бытием, а стало бы сущим» (4, с. 380). Проблема заключается уже в том, как мыслить бытие, чтобы не превратить его в сущее. Ответ Хайдеггера заключается в том, что **истиной бытия является время**: ««Бытие» в «Бытии и времени» не есть нечто другое, чем время, поскольку «время» названо собственным именем для истины бытия, каковая истина есть сущностное бытия и таким образом само бытие» (4, с. 32). Левинас неоднократно отмечает заслугу Хайдеггера, состоящую в том, что он «вернул глагольное звучание» слову «бытие» (не будем забывать, что как в немецком, так и во французском языках слова «быть» и «бытие» звучат одинаково). Тем самым, Хайдеггер заставляет нас осознать всю странность рассуждений о бытии и теории бытия как особого рода абстрактной **сущности**, т.е. своего рода «предмета», сущего, но лежащего **в основании** всех прочих сущих, «лежащих на поверхности» и «опирающихся» на бытие